

Междисциплинарные подходы к проблематике религии в контекстах образования и социализации

Interdisciplinary approaches to religion issue in contexts of education and socialization

АНИКИН Д.А. ОБРАЗЫ СВЯТЫХ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается специфика использования образов святых в региональной политике памяти (на примере Саратовской области). Автор анализирует интерпретации сделанной в XIX веке археологической находки, позволившие сделать вывод о том, что именно на территории области находится место гибели Михаила Тверского или Михаила Черниговского, причисленных к лику святых. Эта гипотеза, появившаяся в конце XIX века, была актуализирована в начале XXI в., когда регион занимался активным поиском репрезентаций имперского прошлого, пытаясь вписать свою историю в контекст всероссийских событий. Несмотря на то, что официальная позиция Саратовской митрополии Русской православной церкви по поводу признания или непризнания данной гипотезы отсутствует, образ Михаила Черниговского начинает использоваться в контексте удревления истории города Саратова. В 2016 году на территории бывшего золотоордынского поселения Увек был заложен храм во имя святого благоверного князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора.

Ключевые слова: политика памяти; образ святого; символ; конкуренция; религия.

ANIKIN D.A. IMAGES OF SAINTS IN REGIONAL POLICY OF MEMORY OF MODERN RUSSIA

Abstract. In article specifics of use of images of saints in regional policy of memory are considered (on the example of the Saratov region). The author analyzes the interpretations of the archeological find made in the 19th century which have allowed to draw a conclusion that in the territory of the area there is a place of death of Mikhail of Tver or Michael of Chernigov canonized. This hypothesis which has appeared at the end of the 19th century has been actualized at the beginning of the 21st century when the region was engaged in active search of representations of the imperial past, trying to enter the history in a context of the All-Russian events. In spite of the fact that the official position of the Saratov diocese of Russian Orthodox Church concerning recognition or non-recognition of this hypothesis is absent, but Michael of Chernigov's image begins to be used in the context of a deepening in the past of history of the city of Saratov. In 2016 in the territory of the former of Ukek the temple for the sake of the Saint blessed prince Michael of Chernigov and the boyar his Feodor has been put.

Keywords: policy of memory; image of the Saint; symbol; competition; religion.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МК-2596.2017.6 «Политика памяти в сетевом обществе: символические ресурсы и социальные риски» и гранта РФФИ 18-311-00212 «Коллективная память религиозных сообществ в постсекулярном мире: формы идентичности и социальные практики».

Изучение исторической памяти, а также политических и культурных механизмов ее конструирования становится одной из магистральных линий развития современного гуманитарного знания, что выражается в возникновении особого исследовательского поля, получившего название «memory studies». За последние годы границы этого поля, причем не только в зарубежных, но и в отечественных исследованиях, заметно раздвинулись, вербализировав новые варианты и способы рассмотрения прошлого. Процесс соотнесения прошлого и настоящего оказался избавлен от упрощающей дихотомии «примордиализм – конструктивизм», поскольку выяснились сложность и нелинейность формирования определенных образов в исторической памяти, участие в данном процессе различных социальных институтов.

Как отмечает Л.П. Репина, «актуализированные в общественном сознании образы коллективного прошлого во многом обусловлены переживаемым настоящим... в свою очередь память о центральных событиях «общего» или группового прошлого, конституируя коллективную идентичность, во многом детерминирует жизненную ситуацию современности» [2, с. 17]. Иначе говоря, в процессе формирования образов прошлого играют роль не только сугубо функциональные аспекты, но и те культурные контексты, которые выступают имплицитными основаниями для селекции исторических фактов, придания им особенного смыслового значения. Прошлое перестает быть беспристрастным «учителем жизни», а становится источником социально значимых символов и образов, за использование которых ведется конкурентная борьба между различными социальными институтами. Как и по отношению к любому другому ресурсу, здесь действует экономическая логика недостаточности имеющихся образов при постоянно растущих потребностях в консолидации определенных сообществ, а также легитимации их претензий на участие в распределении других властных ресурсов. Поэтому естественной стратегией выступает стремление к присвоению уже имеющихся символических ресурсов памяти, их перекодированию и включению в реестр собственных воспоминаний.

Если для архаического общества доминирующей является практика складывания мифов, характеризующихся особой логикой правдоподобия, то для Нового времени обязательным условием возникновения коммемораций становится соответствие определенным когнитивным установкам, соблюдение (пусть даже относительное) принципов научности. Поэтому особое значение начинает иметь не только создание или использование уже имеющихся образов прошлого, а создание дискурсивных практик, нацеленных на их обоснование.

Неотъемлемыми участниками указанных процессов являются религиозные институты. Это объясняется тем, что, применительно к европейской истории, их участие в политических и социальных интеракциях остается весомым и даже основополагающим вплоть до XX века. Да и сейчас, в условиях наступления «постсекулярного общества», религиозные институты продолжают оставаться активными субъектами формирования коммеморативных практик.

Основоположником изучения религиозной памяти стал французский социолог Морис Хальбвакс. В своей работе «Социальные рамки памяти» (*Les Cadres sociaux de la mémoire*), впервые опубликованной в 1925 году, он впервые заговорил о специфике воспоминаний у религиозных общностей. С его точки зрения, «память религиозной группы обладает одной особенностью; в то время как у других групп память взаимопроникает и стремится к взаимной согласованности, религиозная память считает себя зафиксированной раз и навсегда и либо заставляет других приспособляться к господству ее представлений, либо систематически игнорирует их и относит к низшему разряду, противопоставляя свое постоянство и их нестабильность» [3, с. 233]. Важно понимать, что Хальбвакс не описывает объективные стороны религиозной памяти, а пытается лишь определить внутреннюю логику обращения к прошлому, которая диктуется спецификой функционирования религии в качестве социального института.

Церковь действительно пытается закрепить за собой исключительное право на восприятие воспоминаний, зафиксированных в религиозных практиках, как вневременных, отсылающих даже не столько к конкретному времени возникновения этих практик, сколько к трансцендентной реальности. По сути, особенность религиозного обращения к прошлому и заключается в отрицании временных изменений коммемораций и их восприятии в качестве неизменных и аутентичных вневременной «точке отсчета».

Но если попытаться представить функционирование религиозных коммеморативных практик как процесс развития социального института, то возникает диахронический аспект. Можно говорить не только об отсылке данных практик к моменту их возникновения, но и об их постоянной трансформации, включении в совокупность многообразных социальных и политических взаимодействий, в осуществлении которых религия выполняет функцию лишь одного из субъектов формирования исторической памяти.

Поэтому в другой своей работе, получившей название «Легендарная топография евангелий» (*La Topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte; étude de mémoire collective*), вышедшей уже в 1941 году, Хальбвакс попытался конкретизировать социальные и культурные формы воплощения религиозной памяти. По его словам, «коллективная память религиозных объединений сохраняет память догматической истины, открытой для них в самом начале и позже зафиксированной следующими поколениями и духовенством. Но если истина сохраняется в памяти группы, она нуждается в обретении конкретной формы – или личности, или события» [4, Р. 193]. Это дает возможность ему перейти от методологии исследования религиозных институтов в качестве субъектов конструирования образов прошлого к прикладному анализу конкретных кейсов. На примере деятельности участников Крестовых походов он исследует процесс возникновения «мест памяти» на Святой Земле, по сути – конструирование общехристианского прошлого путем установления соответствия между цитатами из священных текстов и конкретными географическими координатами. Хальбвакс демонстрирует, как религиозный ландшафт, воссозданный на основании квазинаучного истолкования священных текстов, закрепляется в исторической памяти и становится основанием для возникновения определенных коммемораций, существующих до сих пор.

В условиях средневекового общества роль религиозных коммемораций, тесно сплетающихся с семейными формами поддержания коллективной идентичности, была крайне высока. Е.Ю. Арнаутова отмечает: «Группа есть то, что она о себе помнит, и эта память легитимирует само ее существование, обеспечивая воспроизведение групповых ценностей и норм, подтверждая стабильность и длительность ее существования во времени... культ святых также является частью такой традиции воспоминания...» [1, с. 70].

Таким образом, становление культа святых, отбор и закрепление потенциальных персонажей – все это объясняется не столько стремлением обеспечения определенной «исторической справедливости» по отношению к самим объектам поклонения, сколько их значимостью для поддержания коллективной идентичности. Сам процесс причисления к лику святых, а также использование уже причисленных святых в контексте политики памяти становится важным инструментом символической борьбы, способом присвоения ресурсов сакрализованного прошлого для подчеркивания значимости того или иного сообщества.

Официальный пантеон святых складывается в XVI веке благодаря решениям церковного собора 1551 г., когда государственной и церковной властью был проведен анализ и селекция региональных культов святых. Сформированный пантеон продолжил пополняться и впоследствии, причем если часть святых остались локализованными достаточно узко, то наиболее почитаемые святые превратились в важный символический ресурс, выступающий средством конкуренции между отдельными регионами.

Примером, позволяющим проанализировать указанные тенденции, является превращение научной гипотезы в определенную религиозную традицию в пределах Саратовской губернии. Речь идет о нахождении в 1872 году на территории бывшего золотоордынского поселения Увек печати с именем князя Михаила. Уже в конце XIX века появилось предположение, что владельцем печати мог быть один из русских князей, погибших в Орде и причисленных позднее к лику святых – Михаил Черниговский или Михаил Тверской.

Эта идея вновь проявилась в 90-ые годы XX века, когда Саратовская область начала проводить активную политику памяти, нацеленную на вписывание регионального прошлого в контекст имперской истории. Использование образов общероссийских святых путём их «привязки» к истории региона стало важным элементом символической политики, поскольку соответствовало трендам федеральной политики. Возрождение религиозности в постсоветском обществе способствовало формированию новой конфигурации востребованных символических ресурсов, в которой образы религиозного прошлого стали занимать одно из ведущих мест. Вместе с тем, слабость возрожденных религиозных институций проявлялась в необходимости соответствия формируемых образов прошлого повседневному религиозному сознанию, деформированному в результате антирелигиозной пропаганды. Поэтому формирование региональных пантеонов святых в постсоветской России являлось продуктом вынужденных компромиссов между стремлением к деконструкции советского исторического дискурса («новомученики») и следованием уже имеющимся стратегиям политики памяти (память о Великой Отечественной войне).

Важно подчеркнуть, что официально Саратовская митрополия Русской Православной церкви не подтверждает и не опровергает гипотезу о том, что именно на месте бывшего золотоордынского поселения Увек была осуществлена казнь, но при этом данное предание активно используется в околоцерковных кругах. В 2016 году на территории Увека был заложен храм во имя святого благоверного князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора, который символизирует преемственность как с аналогичным храмом, существовавшим до революции в Саратове, но в другом месте, так и стремление легитимировать гипотезу о пребывании на территории будущей Саратовской области Михаила Черниговского.

Литература

1. Арнаутова Е.Ю. Формы идентичности в memoria социальных групп // Социальная идентичность средневекового человека / Под ред. А.А. Сванидзе, П.Ю. Уварова. М.: Наука. 2007. С. 70-87.
2. Репина Л.П. Образы прошлого в памяти и истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2003. С. 9-18.
3. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер с фр. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 С.
4. Halbwachs M. On Collective Memory / Ed. by L. Coser. Chicago: Chicago Press Edition, 1992. P. 193.

КРУПКИН П.Л. К ВОПРОСУ О «ГРАЖДАНСКОЙ РЕЛИГИИ» РФ: ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЛИНИГРАДА

Аннотация. Усиление «гражданской религии» в обществе может быть способом повысить уровень социальной сплочённости / выстроить социальный капитал. Это относится также к выработке совместной инклюзивной социальной идентичности. Глядя на возможные характеристики этой идентичности, автор статьи описывает локальные идентичности города Калининграда методом экспертных интервью.